

АНАЛИТИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99

УДК 608.1

НЕЙРОЭТИКА МЕЖДУ ЭТИКОЙ И МОРАЛЬЮ¹

Сидорова Татьяна Александровна,

кандидат философских наук,

доцент кафедры фундаментальной медицины

Института медицины и психологии

Национального исследовательского

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

ORCID: 0000-0002-8985-092X

t.sidorova@ngsu.ru

Аннотация

Основная цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть особенности нейроэтики как формирующейся научной дисциплины, претендующей на то, чтобы быть не только формой прикладной этики, но и апологией морали в рамках натуралистической парадигмы на основе новых данных нейробиологии и когнитивных наук. Нейроэтика рассмотрена в нескольких ракурсах. С одной стороны, она представлена как разновидность биоэтики, прикладной этики, этики нейронисследований и нейронаучной этики. С другой стороны, отмечены ее проявления в качестве элемента технаучи и варианта сопровождения антропологических преобразований, получивших в эпоху биотехнологий название «улучшение человека». Таким образом, дисциплинарные аспекты нейроэтики изучаются в оптике критического анализа биотехнологического усовершенствования человека, который проводил в биоэтике Б.Г. Юдин. Используются теоретические приемы инклюзии и эксклюзии и выделены основания включения и исключения нейроэтики в биоэтику. Отмечено, что натуралистическая парадигма, в которой формируется дисциплинарная онтология нейроэтики, дегуманизирует ее. Указано на односторонность сужения предмета нейроэтики в рамках прикладной и исследовательской этики. Научная этика представляется как переосмысление самого характера морали на основе новых экспериментальных данных. В этом варианте нейроэтики развивается взгляд на новое нейроулучшенное общество. В качестве примера приводится концепция Т. Метцингера, предлагающего использовать данные нейронаук для создания новой онтологии сознания и рассматривающего нейроэтику в качестве инструмента в создании новой «этики сознания». Ключевым понятием для такой нейронаучной этики является когнитивное совершенствование, поэтому она опирается не просто на нейробиологическое объяснение механизмов поведения, но на умение с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Регулятивные возможности нейроэтики в предупреждении дискриминации личности» № 17-29-02053.

помощью психоактивных веществ и других технологических возможностей, открываемых нейронауками, расширять возможности сознания.

Натуралистический редукционизм в понимании морали делает человека уязвимым в его праве на самоидентификацию, открывает пути для контроля над личностью. В качестве альтернативы избирается подход к нейроэтике М. Газзаниги, который считает, что она должна быть частью философии мозга. С этой позиции делается вывод о том, что нейроэтика, чтобы последовательно развивать биоэтику и оставаться в рамках инклюзивной модели, должна вводить в биоэтические дискуссии новые измерения морального выбора, которые появляются в связи с новыми научными данными. Исследования мозга открывают еще большую сложность в моральной жизни человека и общества, особенно в биоэтических казусах, и влияют на самопознание и самоидентификацию личности.

Ключевые слова: этика, мораль, нейроэтика, онтология научной дисциплины, нейронаука, биоэтика, прикладная этика, профессиональная этика, технонаука, улучшение человека.

Библиографическое описание для цитирования:

Сидорова Т.А. Нейроэтика между этикой и моралью // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 75–99. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99.

«Сегодня нейронаука обладает авторитетом подобно тому, как психоанализ был в двадцатом веке. Она претендует на то, чтобы стать ведущей наукой двадцать первого века».

E. Hess, H. Jokeit

Авторы цитаты, вынесенной в эпиграф, утверждают, что сегодня мы имеем дело с новой версией капитализма – нейрокапитализмом. Ему предшествовал репрессивный капитализм индустриальной эпохи, сформировавший дисциплинарные общества с моральными запретами и диктатом, породившими чувство вины и, как следствие, неврозы, для лечения которых появился психоанализ. В эпоху «богатого капитализма» моральный императив сменился на диаметрально противоположный. Человеком овладело стремление к самореализации и совершенствованию, поэтому для современного постиндустриального и креативного нейрокапитализма характерны другие заболевания – депрессия и деменция. Однако, как указывают Е. Несс и Н. Жокейт, в отличие от психоанализа, нейронаука хорошо финансируется государством и фармацевтическими компаниями. «Их выдающийся статус можно объяснить как количеством, так и значимостью проблем, которые они пытаются решить, а также широким общественным признанием этих проблем и приличной прибылью, если они будут успешными. Другими словами, нейронаука

движимы экономическими и эпистемическими силами, которые исходят из сегодняшнего капитализма» [25, р. 11]. Для модуса современной науки, который получил название «технонаука», характерно слияние бизнеса, лабораторий и средств продвижения инноваций в горниле, разогреваемом успехами современных технологий, и не в последнюю очередь направлений с префиксом *нейро-*. Б.Г. Юдин был одним из первых, кто в нашей стране стал исследовать новое состояние науки и общества. Также его волновало то, что фокусируется в проблеме улучшения человека. Нейроэтика является частью технонауки, и проблема улучшения – одна из центральных для нее.

Возникновение новых гуманитарных дисциплин, особенно на стыке различных областей научного знания, – явление сегодня нередкое. Среди них нейроэтика имеет ряд особенностей, которые ставят вопросы предельного методологического уровня. Если обратить внимание на становление биоэтики, к которой мы будем апеллировать, чтобы ответить на вопрос «Как возможна нейроэтика?», то в ее истории довольно сложно обозначить моменты и события, которые бы однозначно говорили о ее начале. Называют, например, Нюрнбергский процесс над фашистскими врачами и разработку Нюрнбергского кодекса, который лежит в основании современного регулирования биомедицинских исследований и является ядром исследовательской этики, входящей в биоэтику. Б.Г. Юдин связывал ее появление с оригинальной формой социального института, репрезентировавшего биоэтику, с первым этическим комитетом в Сиэтле. Также такими ключевыми моментами считают выход в свет книги В.Р. Поттера «Биоэтика – мост в будущее» или первую успешную трансплантацию сердца южноафриканским хирургом К. Барнардом и последовавшие за этим дискуссии о критериях, по которым человека можно признать умершим, чтобы легитимировать забор органов для трансплантации, и некоторые другие события, отстоящие друг от друга на десятилетия.

О начале нейроэтики, в отличие от биоэтики, можно говорить более определенно, что указывает на ее «программный» и, как следствие, рефлексивный характер. Запрограммирована она была, с одной стороны, бурным развитием нейроисследований и расширением спектра нейронаук. С другой стороны, возникновение нейроэтики явилось результатом общей тенденции гуманитарного сопровождения научных мегапроектов в биомедицине. Первым таким опытом была этическая экспертиза проекта генома человека, получившая свое оформление в таких неологизмах, как «ген-этика» или «этика геномики». Этот опыт был оценен как необходимый. Произошло институциональное закрепление практики гуманитарной экспертизы, из чего следовало предположение, что другие научные тренды также должны иметь свою этику, и когда в 90-е годы прошлого столетия начинают ак-

тивно развиваться нейронауки, оказалось, что прецедент для их гуманитарного исследования уже был создан.

Термин не пришлось изобретать, поскольку понятие «нейроэтика» уже входило в употребление с 70-х годов. Правда, оно имело узкоспециальный характер и обозначало медицинскую этику в неврологии. К нейроэтике в этот момент относили этические проблемы взаимодействия с больными с нарушениями мозговых процессов (например, после эпилепсии или травмы головного мозга), а также проблемы с нарушениями психики у детей. С развитием нейроисследований термин «нейроэтика» стал всё чаще применяться в сфере новейших способов изучения мозговых процессов и использования полученных результатов в медицине, торговле, интеллектуальных системах и т. д. В 2001 году публицист и в недалеком прошлом спичрайтер Р. Никсона У. Сэфай, приобретший к тому же популярность тем, что увлекался лексикографией, определил нейроэтику как дисциплину, относящуюся к развивающимся технологиями, в которой обсуждаются права обращения с человеческим мозгом или (при его совершенствовании) их нарушения. Местоположение нейроэтики, по его мнению, находится в области философии. Путем изучения механизмов морали нейроэтика отвоевывает новую территорию у старой философской дисциплины [31]. Сэфай возглавил в 2000 году Фонд Dana, который с 50-х годов занимался финансированием исследований мозга.

М. Фара представила нейроэтику как изучение этических, правовых и социальных последствий нейроисследований и вопросов внедрения технологий для отдельных лиц и для общества в целом [21, р. 34; 22]. Д. Иллес из Стэнфордского центра биомедицинской этики утверждает, что формально появление нейроэтики нужно относить к 2002 или 2003 году, так как в это время прошли четыре основные конференции, обозначившие ключевые проблемы и положившие начало объединению ученых, которые их изучали [27]. Одновременно происходило оформление нейроэтики в академическую и образовательную дисциплину, на что указывает появление научных журналов и университетских курсов [3]. Группа ученых и финансистов со всего мира начала обсуждать пути поддержки международного сотрудничества в области нейроэтики в рамках объединения, которое стало называться Международной сетью нейроэтики. В Стэнфордском университете начал выходить ежемесячный информационный бюллетень «Нейроэтика». В 2006 году было создано Международное общество нейроэтики (INS), которое сейчас возглавляет Д. Иллес, и это общество является членом альянса Dana. В 2014 году уже существовали 31 центр и программы по вопросам нейроэтики по всему миру. В течение короткого промежутка вышли в свет книги, которые сформировали нейроэтический дискурс [20, 23, 26, 29, 30]. В середине первого десятилетия XXI века воз-

никли первые дискуссии о статусе нейроэтики: стоит ли ее развивать как самостоятельный раздел биоэтики или включать в состав нейронаук [8].

В последние десятилетия наблюдается бум прикладной этики, так как кодифицированное этическое регулирование потребовалось не только в сфере биомедицинских исследований. Возникли новые формы профессиональных и институциональных этик. В этом ряду, казалось бы, очевидно, что нейроэтика, так же как и биоэтика в целом, – одна из форм прикладной этики. Но интрига заключается в том, что нейроэтику пытаются объяснить как саму мораль в обществе, где победит когнитивное усовершенствование и искусственный интеллект. Методологическая ситуация двойственного понимания этики как *синонима* морали и как *знания* о морали применительно к нейроэтике получает новый фокус: кроме поисков блага и должного и их нормативного обоснования, ставится под вопрос онтологический фундамент самой морали. Одновременно в когнитивных нейронауках пересматривается природа сознания и всех его феноменов. Нейроэтика становится, по сути, естественной наукой – нейронаучной этикой и получает возможность технологизировать свои выводы, превращая их в рекомендации по усовершенствованию поведения человека и взаимоотношений в обществе. Актуальность уточнения границ и возможностей нейроэтики, таким образом, проистекает не только из натиска нейроисследований и развития нейротехнологий, удивляющих новыми прорывами и подбрасывающих всё новые и новые этические вопросы, но и из того, что в нейроэтике отчетливо просматривается стремление основать мораль нового нейроулучшенного общества.

Чтобы описать контуры нейроэтики, рассмотрим основные варианты ее интерпретации. Ее можно понимать, во-первых, как раздел биоэтики; во-вторых, нейроэтику можно трактовать как прикладную этику; в-третьих, как самостоятельную разновидность исследовательской или профессиональной этики в области нейронаук и в неврологической практике в медицине. Наконец, четвертый вариант, наиболее специфичный не только для рассматриваемой дисциплины, но и для гуманитарного знания в целом, и особенно для такой его части, как этика, представляет нейроэтику как этику сознания или философию мозга (Газзанига), претендующую на то, чтобы объявить окончательную победу натуралистической парадигмы в понимании морали и, соответственно, саму нейроэтику рассматривать как источник новой морали в обществе.

Нейроэтика как разновидность биоэтики

Если учесть, что дисциплинарный статус самой биоэтики до сих пор является предметом дискуссий, то остановимся подробнее на некоторых основаниях включения и исключения нейроэтики в состав биоэтики. Ин-

клюдивный и эксклюзивный подходы в отношении нейроэтики и биоэтики являются теоретическим приемом для того, чтобы исследовать феномен и возможности нейроэтики в качестве регулятивного источника и нового способа понимания морали. Общеизвестно, что биоэтика является междисциплинарной областью, в которой в обсуждении моральных проблем современной биомедицины пересекаются естественные и социогуманитарные науки. В последнее время указание на междисциплинарность уступает место трансдисциплинарности. Этот термин подразумевает, что биоэтика формируется не только из синтеза научного знания, но и трансгрессирует за пределы академического дискурса в сферу жизненного мира, который является источником «профанных» суждений, одинаково важных для поиска решений в сложных дилеммах биоэтики. Взаимовлияние и взаимообогащение знаниями между наукой и обществом выступает ключевым принципом трансдисциплинарности [32]. Как отмечает Л.П. Киященко, достижение обоснованного решения осуществляется, во-первых, в контексте многообразия экспертных заключений, во-вторых, «в контексте сложного многоуровневого трансдисциплинарного диалога как достигнутая в результате договоренности общезначимость. Таким образом, биоэтические трансдисциплинарные коммуникативные практики на границах с жизненным миром... формируют новый тип обоснованности (рациональности) человеческих поступков в острейших экзистенциальных ситуациях...» [6, с. 114]. Эта черта биоэтики, на наш взгляд, любопытно преломляется в нейроэтике, когда она притязает на статус новой морали.

Таким образом, контуры биоэтики как разновидности научной дисциплины формируются ее меж- (транс-) дисциплинарным статусом, наличием теоретического ядра – принципализма – и собственного тезауруса, включающего ряд идентифицирующих ее понятий. Кроме того, на академический профиль биоэтики работает биоэтическое образование, требующее концептуального выражения моральных позиций, методического структурирования накопленного знания. Дискуссия о статусе биоэтики на протяжении последних десятилетий так или иначе приводит к выделению различных форм и видов биоэтики. Выделяют формы теоретической, культурной, регулятивной, клинической, глобальной биоэтики. В качестве подвидов биоэтики выделяются отдельные области, направления, методы в биомедицине, где возникают этические проблемы, которые составляют предмет биоэтических дискуссий. К ним относятся этика исследований, этические проблемы абортов, вспомогательных репродуктивных технологий, эвтаназии, психиатрии, генетики, трансплантологии и т. д. Структурируя морфологию биоэтики, можно говорить о диалектике ее форм и видов в том случае, когда отдельные виды накап-

ливают существенные признаки, которые будут иметь значение для всего спектра биоэтических проблем и одновременно потенцировать собственную специфичность. Например, этика исследований может быть представлена как раздел (или вид) биоэтики и выступать в качестве отдельной формы, так как она обладает своей предметностью, методами и процедурами этического анализа, которые получили универсальное применение в других областях биоэтики, поскольку исследовательская составляющая есть в каждой из них.

Нейроэтику можно рассматривать как один из видов биоэтики, который под определенным углом зрения может выступать структурным элементом этики исследований. Основанием для включения в этом случае выступает общий предмет – этические проблемы, возникающие в нейроисследованиях и применении их результатов не только в медико-клинической практике, но в других областях: в пенитенциарной системе, в маркетинге, в педагогике и т. д. Предметная область биоэтики распространяется во все те сферы, где проблематизируется положение человека: его здоровье, телесная и психическая целостность, идентичность, границы начала и окончания жизни. В нейроэтике наиболее остро актуализируется вопрос об идентичности и психофизической целостности человека. Однако философский ракурс, предусматривающий глубину и многоаспектность, который в биоэтике формирует ее (транс-)дисциплинарную уникальность и подлинность, в нейроэтике может быть утрачен. Такое несовпадение ракурсов встречается также в различении нейрофилософии и философского осмысления проблем нейронауки [12, с. 65]. Основная причина кроется в натуралистической парадигме, которая имманентна нейроэтике. Она ограничивает ее философское содержание, тем самым приводя к демаркации между биоэтикой и нейроэтикой.

Точно так же начинается обособление других разделов биоэтики, когда в них преобладают узкодисциплинарные или нормативно-регулятивные аспекты в понимании предмета и цели исследований. Этот момент определяется онтологией научной дисциплины. По мысли Г.Б. Гутнера, «дисциплина разворачивает смысловые структуры..., основываясь на исходном эйдетическом фундаменте. <...> Таким образом научная дисциплина конституирует целую систему предметностей, удерживая при этом свой изначальный смысл. Какие бы сложные предметности не породились впоследствии, все они остаются вариациями или уточнениями изначального смысла. Сам он, по мере развития данной науки, предстает как бесконечно богатый, таящий неограниченное многообразие предметностей» [5, с. 265]. Ссылаясь на Гуссерля, автор указывает, что исходная идеализация имеет исток в донаучной сфере, именуемой жизненным миром. Развертывание онтологии научной дисциплины «есть постоянное уточне-

ние знания о какой-то значимой для человека реальности» [5, с. 266]. Если в биоэтике такой эйдетической основой является необходимость защиты человека в ситуации многомерной трансформации его природы в биотехнологиях, то сохранится ли она в нейроэтике и не изменит ли ее натуралистическая парадигма?

Всё зависит от выбора онтологической позиции в обсуждении моральных проблем, на которые нацелена нейроэтика. Будут ли иметь дискуссии по нейроэтике последовательно трансдисциплинарный характер, не замкнутся ли они в узком экспертном кругу? В этом случае нужно не только апеллировать к профанному дискурсу и оценивать практическую результативность нейротехнологий, но и иметь в виду последовательную реализацию гуманистических целей защиты человека и человечности, подразумевающих уважение к жизни, личностной идентичности и целостности.

Открытым остается вопрос о теоретических основаниях нейроэтики и, соответственно, ее методологии. Не напрасно Ю.В. Перов пишет о «нищете нейроэтики», указывая на то, что «современная нейроэтика принципиально не способна объяснить моральную нормативность, в связи с чем она не может быть названа этикой в строгом смысле этого слова» [11, с. 93]. Нейрофизиологический детерминизм, положенный в основу редукционистского подхода в нейронауках и транслируемый в нейроэтику, по сути, подрывает основания гуманистических принципов биоэтики: автономии, предполагающей наличие свободы выбора; уязвимости как признания уникальности и хрупкости человеческого существования; принципа уважения целостности, рассматривающего человека как онтологическое единство на протяжении всей жизни и защищающего идентичность человеческого. Если нейроэтика философски ориентирована на рассмотрение вопросов, предполагающих множественность позиций и поиск гуманистических оснований для их синтеза, то ее можно относить к разновидностям биоэтики. Если же проблемы рассматриваются в оптике биологизаторского редукционизма, то нейроэтика претендует на дисциплинарное обособление.

Нейроэтика как прикладная этика

Вариант истолкования нейроэтики как прикладной этики отличается тем, что здесь сужается значение этики до нормативно-регулятивного. Этот аспект выделяется также и в биоэтике. Однако для биоэтики принципиально не гипостазирование одной из сторон, а их философская интеграция для поиска решений в ситуациях моральных дилемм. Поэтому, например, даже институциональное воплощение биоэтики в виде этических комитетов утрачивает смысл и назначение без этико-философского фундамента. Когда начинают понимать биоэтику как форму прикладной эти-

ки, в первую очередь обращают внимание на кодификацию моральных норм и принципов, а также на ее институционализацию. В этом случае она превращается в форму профессиональной медицинской этики или институциональной этики в сфере биомедицины «как одна из прикладных этик того же плана, что и правовая, деловая, спортивная этика, этика игры, этика науки и примыкающая к ней этика дискуссии» [13, с. 138].

В семидесятые годы в составе медицинской этики дифференцируются различные области в связи с возрастанием морального дискурса в медицине под воздействием биоэтики. Эта тенденция в определенный момент приводит к неразличимости медицинской этики и биоэтики. Однако такое отождествление не совсем правомерно. Медицинская этика, история которой насчитывает тысячелетия, стала воспринимать принципы биоэтики и формулировать свои нормы, ориентируясь на них, но от этого она не перестала быть собой и тем более не претендует на поглощение всей биоэтики с ее слишком широким предметным полем. Там, где осуществляется переход на принципы биоэтики в клинической практике, мы говорим о клинической биоэтике. Одновременно не вся профессиональная деонтология может быть ассоциирована с биоэтическими принципами, и в ее содержании, таким образом, может оставаться какая-то традиционно понимаемая часть, не совпадающая с клинической биоэтикой. Возможно, дифференциация по отдельным областям (например, в хирургии, неврологии, педиатрии и т. п.) в профессиональной медицинской этике способствовала сохранению самостоятельного статуса медицинской этики. Поэтому исторически исходный смысл нейроэтики заключается в том, что она возникает как раздел медицинской этики, возможно клинической биоэтики, в отношении врачей и пациентов неврологических и нейрохирургических отделений.

Эта модель нейроэтики существует и развивается и сегодня. Так, например, Европейская федерация неврологических обществ (ЕФНО) образовала специальную группу по нейроэтике (СГН). Она определяет нейроэтику как науку о разработке и применении этических стандартов в специфических условиях неврологической практики и научных исследованиях. Заметим, что научные исследования прежде всего понимаются как клинические исследования. Сообщество неврологов разработало Кодекс нейроэтики, который представляет собой совокупность норм медицинской (врачебной) этики, сформулированных применительно к неврологической практике [17].

Однако следует понимать, что из нейроэтики, так же как и из биоэтики в трактовке прикладной этики, могут выпадать проблемы мировоззренческого уровня, и, таким образом, утрачивается уникальная основа для дисциплинарной специфичности. Как писал Н.А. Бердяев, «единствен-

ный способ поднять этику над мелочностью и пошлостью – это привести нравственную проблему в связь с основными проблемами метафизики» [2, с. 106]. Кроме того, в прикладной этике «живая» нравственность превращается в «этику закона», которая через моральные или правовые санкции принуждает к исполнению нормативных кодексов. В.С. Соловьев предупреждал об опасности переписывания морали по правовому образцу, вследствие чего в ней не остается возможности свободно избирать добро. П. Рикер в своих трудах закрепил за моралью прежде всего нормативное значение, а этике отвел телеологию, полагая для личностной идентичности примат цели, лежащей в основании желания, над нормой [14]. Однако вряд ли французский мыслитель, вкладывая в понятие этики аристотелевский смысл стремления к «благой жизни» и добавляя к этому «с другими и для других в справедливых институтах», имел в виду кодифицированную этику однозначно прописанных правил и установленных норм.

Биоэтика рассматривает такие ситуации, для регулирования которых нет готовых норм, которые, так же как и ее правила, например, информированное согласие, правдивость, конфиденциальность, по сути, носят интервальный характер. В биоэтических дискуссиях осуществляется поиск нормального, происходит нормализация нового морального и социального опыта, который приходит в общество вместе с применением новых биотехнологий. Уникальные решения не всегда становятся прецедентами для других случаев; то, что может пониматься как норма, носит открытый характер и имеет предпосылки для переопределения [16]. Поэтому нормативность прикладной этики и биоэтики – разного рода. На передний план должна быть выдвинута подлинно этическая цель, содержание которой устанавливается трансдискурсивно, а не простая регламентация процесса принятия решения. Назначение прикладной этики часто понимается функционально – как обеспечение возможности действия, а не достижение нравственной цели как таковой. Противоречивость прикладной этики может выступать источником ее развития при условии, что будет учтена сложность и многоаспектность этического анализа ситуаций, когда проблематизируется положение человека.

Нейроэтика в аспекте прикладной этики вполне возможна как регулятивная система, для которой могут быть использованы принципы, имеющие биоэтический характер, содержащиеся в биоэтических документах, например в европейской Конвенции по правам человека в биомедицине (1997), Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека ЮНЕСКО (2005) и др. В нейроэтике могут быть разработаны и свои собственные принципы и нормы, которые будут обозначать границы допустимого в исследовательской практике. Это, безусловно, существенный довод за то, чтобы принять и развивать нейроэтику как прикладную этику.

Этика нейроисследований

Последовательное движение в этом направлении приводит нас к третьему варианту понимания нейроэтики как области регулирования конкретных областей нейроисследований, где нейроэтика становится частью исследовательской этики или же частью конкретной нейронауки. Заметим, что в биоэтике имеет место тренд на обособление исследовательской этики в отдельную область. Основанием для этого выступают ограничения, связанные с тем, что в фокусе оказываются только проблемы биомедицинских исследований и в стороне остаются психологические эксперименты, маркетинговые исследования, а также нейроисследования, которые напрямую не связаны со здоровьем человека. Кроме дисциплинарного расширения, современная этика исследований включает вопросы публикационной и издательской этики, а также различные моменты, связанные с социальной ролью науки, когда этическое и, шире, гуманитарное регулирование не только защищает испытуемых, но и оценивает риски и последствия развития знаний и технологий, а также взаимовлияние общества и науки.

Отмеченная тенденция этизации, характерная в целом для современного контекста и выражающаяся в возникновении новых видов прикладной этики и в гуманитарном сопровождении научных мегапроектов, способствует тому, что в самой науке оформляется кластер этического самоанализа. По мере признания науки в качестве социального института и влияния ценностей и норм научного сообщества на результаты научной деятельности рассмотрение этических вопросов становится важной частью самоорганизации ученых. Современный этап в развитии науки, который Б.Г. Юдин связывал с превращением ее в технонауку, отличительной чертой имеет не просто сращивание производства знаний и технологий, но и социальный менеджмент, который сопровождает размещение инноваций в обществе. «Так, одной из специфических черт технонауки является то, что можно назвать “человекоориентированностью”, т. е. нацеленностью искомых и реализуемых решений непосредственно на человека, при том, что весьма существенно, на человека как массового потребителя этих решений» [17, с. 30]. Наиболее очевидный признак технонауки – это качественно иная, чем прежде, взаимосвязь научного познания и деятельности по созданию и продвижению новых технологий. В этом случае этическая рефлексия ученых выступает каналом, через который знания воспринимаются в обществе. Таким каналом также является популяризация научных достижений, но она невозможна без обсуждения вопросов, которые ставит общество, а они носят этический характер.

Примечательно, что нейроэтику (как, впрочем, и биоэтику) начали развивать не философы и специалисты по этике, а сами ученые. Дж. Иллес,

одна из лидеров современной нейроэтики, возглавляющая INS, определяет нейроэтику как находящуюся и вовне, и внутри нейробиологии, но в то же время как «младшую сестру» биомедицинской этики, и уподобляет ее дефиницию поттеровскому определению биоэтики как дисциплины, которая объединяет нейробиологические знания с человеческими ценностями. По ее мнению, нейроэтика не только позволяет ученым охватить много параллельных областей исследования в области нейронаук, но на самом деле активно поощряет объединение различных дисциплин. Конечной целью тех, кто занимается нейроэтикой, должно быть решение практических задач: с помощью научно-исследовательских и информационных ресурсов создать инструменты для реагирования на проблемы, выявленные в начале процесса исследования [27].

В этом варианте более логично выглядит обособление нейроэтики в соответствии с отдельными нейронауками. Примером может служить обсуждение этических проблем, характерных для нейропсихологии, нейромаркетинга, нейроменеджмента, нейропедагогики, культурной нейронауки (нейроантропологии), нейрокомпьютинга и т. д. Специфические проблемы выделяются также для отдельных методов в нейроисследованиях, таких как нейровизуализация, применение психофармакологии, использование интерфейсов связи мозга и компьютера, работа с памятью и т. д. Здесь уместно, используя аналогию между нейроэтикой и нейрофилософией, привести замечание О.Э. Петруни по поводу продуктивности исследовательской программы этих дисциплин, когда всё исследовательское поле сводится к проблемам конкретных наук. В этом случае их можно рассматривать в тренде дегуманизации науки, не столько борющейся с антинаучным скептицизмом, сколько с человекомерностью окружающего мира и познания [12, с. 65].

Следует обратить внимание еще на один аспект нейроэтики в оптике нейронаук. Б.Г. Юдин указывал на то, что биоэтическая рефлексия выходит за рамки биомедицины, когда речь идет об оценке биотехнологий, которые «оказываются за пределами собственно терапии, ради того, что называется улучшением человека» [18, с. 24]. Анализируя проблему применения допинга в спорте, он замечает, что «не случайно то обстоятельство, что биоэтические органы межправительственных организаций, таких как Комитет по биоэтике Совета Европы, как Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО, отнюдь не спешат включать проблематику допинга в орбиту своих интересов» [Там же].

В понимании нейроэтики как этики нейронаук и нейроисследований выход за пределы биоэтики может быть связан не только с преодолением биомедицинского характера возникающих этических проблем, но и с пересмотром или отказом от принципов биоэтики. В качестве приме-

ра можно привести нейромаркетинг, где с помощью визуализации мозга изучается потребительское поведение и отрабатываются приемы для управления им. «В последние годы количество нейромаркетинговых исследований значительно увеличилось. Нейроисследования в маркетинге изучают произвольные нейрофизиологические реакции человека на стимулы, например, слова, сочетания цветов, запах, звук и т. п., и интерпретируют полученные данные с целью предоставления рекомендаций для улучшения процесса взаимодействия с потребителем. В рамках инструментальных исследований в нейромаркетинге изучаются пульс, потоотделение, реакции головного мозга, движение зрачков и другие спонтанные реакции человека» [1, с. 234]. Таким образом, применение принципов автономии, уязвимости невозможно, поскольку субъекты рассматриваются не как управляющие своим выбором, а зависимые от бессознательных побуждений. Если грамотно инициировать желание купить что-либо, потребитель ничего не заподозрит. Можно предположить, что есть категории людей, у которых в силу разных причин – возраста, болезни, настроения или чего-либо другого – рациональная способность может быть ослаблена. В такие моменты они в своем поведении начинают следовать неосознаваемым импульсам. Но использовать слабость человека этически недопустимо. В таком случае, согласно биоэтическому принципу уязвимости, следует помочь ему принять осознанное решение. Этот принцип требует сбалансировать недостаток, а не использовать слабость человека для извлечения выгоды.

Нейромораль

Кроме того, что нейроэтика развивается в направлении этики нейронаук, одновременно происходит переосмысление самого характера морали на основе новых экспериментальных данных, что порождает новую «нейронаучную этику» [8]. Нейронаучная этика подразумевает, по крайней мере, три аспекта в исследовании морали: создание на основе данных когнитивных наук эволюционной этики, объяснение моральных феноменов деятельностью нейронных связей и на этой основе пересмотр проблемы свободы воли. Нейрологический редукционизм многие исследователи отвергают как одностороннюю парадигму. Подобное опровержение уже имело прецеденты в истории философии и науки (борьба с вульгарным материализмом, критика натурализма и социобиологизма). Однако натурализм, выгнанный в дверь, возвращается через окно. У научного мышления нет иммунитета к натуралистическим идеям, и гуманитарные науки, использующие естественно-научные методы, например экспериментальная психология, часто попадают под их влияние. Так, один из представителей эволюционной этики А. Голдман заявляет, что на смену этике долж-

на прийти моральная психология, истоки которой находятся в биологии человека [10, с. 119].

Эксперименты нейрофизиологов и когнитивных психологов породили дебаты о нейробиологическом детерминизме в объяснении сущности и происхождения морали, о свободе воли и моральных актов. Б. Либет в 1973 году показал, что между реакцией мозга, которая регистрировалась с помощью ЭЭГ, и принятием решения (испытуемым нужно было нажимать на клавишу) есть временной промежуток, в неврологии он называется «потенциал готовности». Несмотря на то что и сам автор эксперимента, и другие ученые (М. Мацубаши, М. Халлетт, С. Кюн, М. Брас и др.), проводившие подобные исследования, не считали отсроченную реакцию исчерпывающим объяснением происхождения действий, которые раньше приписывались воле, тем не менее эти данные стали использовать в дискуссиях. Д. Хайнес, повторивший опыты Либета, усложнил их тем, что разработал задания отдельно для правой и левой руки и регистрировал нейронные реакции с помощью ФМРТ. Он получил совпадение в 60 % случаев, что дало повод интерпретировать эти результаты и как опровергающие, и как подтверждающие наличие свободы воли. Отсроченный промежуток у Хайнеса измерялся семью секундами [Там же, с. 84]! Однако сам Либет подчеркивал, что его эксперименты однозначно показывают только то, что процесс волевого решения берет свое начало в сфере бессознательного, а это вовсе не означает, что сознание не может остановить запущенный мозгом процесс, если он противоречит моральным принципам человека [28, р. 538]. О.В. Новикова замечает слабую осведомленность в философских концепциях сознания, которыми оперируют участники дискуссий о свободе воли [10, с. 90]. Например, часть из них приходит к выводу об объективности морали в виде генетически записанной в наших нейронах моральной матрицы, которая активизируется в зависимости от социального контекста: воспитания, благополучия, общественных ценностей. Диалектика социального и индивидуального, субъективного и объективного в морали была хорошо исследована в отечественной этике в 70–80-е годы. Однако сегодня мы имеем более глубокие и обоснованные знания о том, как осуществляется динамическая связь между материальной и идеальной сторонами моральной и, шире, сознательной психической жизни человека.

Когда предметом нейроэтики выступает уже не регулирование исследований, а сама мораль, в ней появляются вопросы мировоззренческого уровня, и именно этот ее вариант оказывается ближе всего к философскому и, таким образом, собственно биоэтическому контексту. Сама нейроэтика становится проблемой биоэтики, поскольку в ее варианте натурализации морали актуализируется вопрос об улучшении человека. Если источник моральных действий прямо или опосредованно находится в

нейронных коррелятах, то вслед за открытием этой связи в научном исследовании возникает технологически оформленное желание воздействовать на него. Сначала это воздействие диктуется желанием помочь людям с психоневрологическими нарушениями, а затем – стремлением усовершенствовать здоровых, чтобы улучшить их когнитивные, а затем и моральные качества, поскольку в эволюционно понимаемой этике развитие когнитивных способностей одновременно ведет и к моральному прогрессу.

Немецкий философ-когнитивист Т. Метцингер утверждает, что «в важной новой дисциплине – нейроэтике – новым ключевым словом является “когнитивное совершенствование”». Речь идет о новых медикаментах, которые должны улучшать психическую производительность, то есть, по существу, лекарства, “делающие умными” и “делающие бодрыми”. Мы скоро научимся совершенствовать мышление и настроение здоровых людей. В самом деле, на сцену западной культуры уже вышла “косметическая психофармакология”. Если мы справимся со старческой деменцией и потерей памяти, если разработаем препараты, обостряющие внимание и удаляющие застенчивость, а то и обычную повседневную грусть, почему бы их не использовать?» [9, с. 426].

Нейроэтика в таком случае нужна для того, чтобы обеспечить легализацию в обществе новейших способов когнитивного усовершенствования, т. е. нормализовать девиантный опыт, поскольку новые экспериментальные данные заставляют нас поверить в максимизацию блага через реализацию максимальных возможностей в деятельности мозга. Рассматриваемый фокус усовершенствования человека через применение психоактивных веществ очень хорошо показывает, что онтологический аспект нейроэтики как дисциплины выступает определяющим фундаментом для ее регулятивного потенциала. Метцингер прямо указывает на это: «Современная нейроэтика должна будет создать новый подход к наркополитике. Ключевой вопрос состоит в том, какие состояния мозга считать легальными. <...> Нейроэтика должна учитывать не только физиологическое воздействие вещества на мозг, но и взвешивать психологический и социальный риск в сравнении с внутренней ценностью переживаний, производимых тем или иным состоянием мозга, – а это сложная задача. Она станет проще, если мы сумеем установить основополагающее моральное согласие, поддерживаемое большей частью населения – теми гражданами, ради которых выработываются правила. Власти не должны лгать своей целевой аудитории [по поводу тотальной опасности наркотиков. – Прим. Сидоровой Т.А.]; им, скорее, следует заботиться о восстановлении доверия, особенно молодого поколения. В свободном обществе следует стремиться к максимальной независимости гражданина. Либеральное западное понимание демократии

требует в отношении психоактивных веществ права на психическое самоопределение, которое также закреплено в конституции» [9, с. 443].

Метцингер предлагает свой вариант нормативного регулирования в формировании нового морального порядка, который на первый взгляд эпатирует, однако хорошо вписывается в существующие институциональные рамки и способы упорядочивания социальных отношений в «свободных» обществах побеждающего нейрокапитализма. «Новый культурный контекст не возникает сам собой. Поэтому нам придется вложить в развитие новых, разумных способов обращения с психоактивными веществами творческий подход, разум, деньги и много труда. Можно, например, разработать подобие “водительских прав”, требующих для допуска к веществам особой психиатрической оценки личных рисков, теоретического экзамена и, возможно, пяти “уроков вождения” под наблюдением профессионала и в безопасных условиях. Тем, кто сдаст на такие права, можно, например, разрешить легальную покупку двух однократных доз классического галлюциногена» [9, с. 444]. Легализация психоактивных веществ, по его мнению, не только соответствует требованиям соблюдения прав человека в демократических странах, но, самое главное, является своевременной мерой, с помощью которой будут развивать и совершенствовать человека благодаря открытиям нейронаук. Он приводит данные исследований, согласно которым субъекты при приеме наркотических средств испытывают ни с чем не сравнимые переживания, и этот опыт нужно сделать доступным для других не только из соображений современных норм справедливости, но и для того, чтобы человек пользовался максимальными возможностями, которые таит в себе сознание, в том числе в измененных состояниях. Поэтому Метцингер проводит философское обоснование новой онтологии сознания в соответствии с новыми нейробиологическими открытиями.

Для использования возможностей технологически расширенного сознания потребуется своя этика. Существующие системы ценностей подпадают под подозрение, поскольку так или иначе базируются на религиозном фундаменте. Религию же немецкий философ, отталкиваясь опять же от данных нейронаук, считает заблуждением и систематическим обманом. Но поскольку ученые не предлагают никакого альтернативного религии средства для сохранения сплоченного общества и общей основы для моральных чувств и ценностей, для заполнения антропологического и этического вакуума обществу потребуется новая этика – этика сознания, и нейронаучная этика должна стать ее основой [Там же, с. 410]. «Мы решительно повысим свою независимость, взяв контроль над сознательным мозгом, исследуя его глубочайшие уровни. Это положительная сторона нового об-

раза человечества. Но есть и опасности. Если мы не найдем способа разумно и ответственно подходить к возможностям нейротехнологии, мы столкнемся с беспрецедентным в истории риском. Вот почему необходима новая ветвь прикладной этики – “этика сознания”. Пора начинать думать, как мы распорядимся новым знанием, – и прежде всего о том, какие состояния сознания следует считать хорошими» [Там же, с. 420].

Можно подумывать, что подобные идеи носят футуристический характер и поддерживаются только технократическими оптимистами и приверженцами трансгуманизма, которые, как кажется, едва ли одержат верх. На сегодня мы уже имеем массовые воздействия на сознание человека, канализированные в виде распространения академического допинга, коррекции детского поведения и успеваемости, борьбы с депрессией и деменцией, влияния на потребительское поведение и политический выбор. Последствия этих воздействий необязательно априори трактовать как отрицательные. Однако их плюсы и минусы следует взвешивать, сопоставляя конвергирующий эффект с другими формами воздействия на психическое здоровье человека, его автономию и самоидентичность. Нейроэтика имеет дело с новой антропологической ситуацией, которую формируют не только нейронауки, но и конвергирующие технологии [4].

Известный нейропсихолог Майкл Газзанига, один из тех, кто стоял у колыбели нейроэтики, в книге «Этический мозг» (2005) утверждает, что в свете новых знаний о мозге мы уже не можем рассматривать его как прежде, и эти знания оказывают значительное влияние на человека. По его мнению, нейроэтику нужно понимать как философию жизни мозга. Отметая грубые притязания неврологов на то, что они могут расшифровать конкретные мотивы поступков, например, в криминальных вопросах, он указывает на самую главную возможность в когнитивной нейронауке – создать понимание того, как исследование мозга будет направлять нас в таких идеях, как универсальная мораль, которой обладают все члены нашего вида, и что когнитивная нейронаука становится центральной во взглядах на этические универсалии [23]. Газзанига определяет нейроэтику как исследование традиционных проблем биоэтики, в которую он включает социальные проблемы болезни, нормальности, смертности, образа жизни и философии живущих, с точки зрения того, что мы знаем об основных механизмах работы мозга. Нейроэтика не только ищет ресурсы только для медицины, она полагается на личную ответственность в самом широком социальном контексте [24].

Состояние мозга как предельно сложного материального субстрата сознания действительно много может сказать о человеческой личности. Изучение поведения, эмоций, психологических реакций сегодня всё больше

опирается на нейровизуальные исследования. Сведения о бессознательных источниках наших решений и поступков мы учитываем в своем выборе. Однако это не ослабляет значения рационального и субъективного в личности; наоборот, эти знания теперь определяют характер рациональных решений. Если придерживаться инклюзивной стратегии, включающей нейроэтику в биоэтику, то рассматриваемый модус нейронаучной этики вводит в трансдисциплинарный диалог дополнительное измерение. Коммуникативная рациональность дополняется рациональностью, осознающей свою биологическую природу. Так, М. Газзанига демонстрирует на примере проблемы статуса эмбриона, как новые данные могут усложнять дискуссию. Конечно, редукционистская позиция не дает окончательного решения спора о статусе эмбриона, но новейшие данные об этапах и нюансах формирования центральной нервной системы определенно будут влиять на решения в абортной политике и при использовании эмбрионов в исследованиях [25]. Таким образом, нейроисследования открывают еще большую сложность в моральной жизни человека и общества, особенно в биоэтических казусах. В многомерную структуру морального выбора и нравственной жизни встраиваются дополнительные измерения, которые влияют на самопознание и самоидентификацию человеческой личности.

Цель философски понимаемой биоэтики и нейроэтики должна быть прежде всего критическая. При этом гуманитарии в первую очередь должны прислушиваться к голосу тех ученых, которые не столько уповают на успехи нейронаук, сколько сосредоточены на оценке последствий их применения, как, например, первооткрыватель зеркальных нейронов Витторио Галлезе. «Я бы сказал, что следует ориентироваться на классическую для философии цель самопознания и следовать хотя бы минимальному этическому принципу: уменьшать и предотвращать страдание, а не играть, как с огнем, с эволюцией второго порядка, которая вполне может выйти из-под контроля» [9, с. 381].

Какой в таком случае должна быть нейроэтика, призванная адаптировать моральные и социальные новации, приходящие в общество с нейроисследованиями и нейротехнологиями? Регулятивные задачи нейроэтики могут эффективно выполняться при том условии, что в понимании дисциплины свое базисное место найдет философское обоснование этики и морали в их биоэтической проекции. Не вступаем ли мы в порочный круг, устанавливая правила для нейротехнологически преобразованного сознания в целях вечного стремления к самосовершенствованию и сталкиваясь со следствиями этого стремления в виде всемирной скуки от несоответствия высоким критериям креативности и усталости от попытки вместить расплывающиеся объемы информации о мире? Общество борется с

депрессией, условия для которой само же и порождает. Естественность и непосредственность жизни невозможно сконструировать, заменив ее воображаемыми совершенными мирами, поэтому нейроэтика, чтобы сохранять в себе нравственное начало, должна защищать эти неоспоримые ценности.

Литература

1. *Абакова М.Ю., Покровская Н.Н.* Актуальные проблемы нейроэтики в маркетинговых исследованиях // Конфликтология. – 2016. – № 3. – С. 232–246.
2. *Бердяев Н.А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. – М.: Канон+, 2002. – 656 с.
3. *Голубев В.Н.* Нейроэтика: основные этапы развития // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации. – Витебск, 2017. – С. 529–530.
4. *Горбачева А.Г.* Социально–философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.11. – Томск, 2016. – 26 с.
5. *Гутнер Г.Б.* Трансдисциплинарность как трансдискурсивность // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. – М.: Навигатор, 2015. – С. 263–280.
6. *Князченко А.П.* Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. – М.: Навигатор, 2015. – С. 109–135.
7. *Лабушева Т.М., Николаева Н.В.* Свобода воли: иллюзия или реальность? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (84), ч. 1. – С. 101–103.
8. *Лазуренко Д.М., Кирой В.Н.* Современные проблемы нейроэтики // Валеология. – 2012. – № 4. – С. 74–80.
9. *Метцингер Т.* Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. – М.: АСТ, 2017. – 651 с.
10. *Новикова О.В.* Обоснование морали в современной философской когнитивистике [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2017. – 212 с. – URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/Q29d9Z6YV6.pdf> (дата обращения: 27.02.2018).
11. *Перов В.Ю.* Моральная свобода и нормативность: нищета нейроэтики // Мир человека: нормативное измерение-5: сборник трудов международной научной конференции. – Саратов: СГЮА, 2017. – С. 92–94.
12. *Петруня О.Э.* Нейрофилософия как исследовательская программа // Нейрокомпьютеры: разработка и применение. – 2015. – № 4. – С. 65–66.
13. *Рикёр П.* Сопровождать жизнь до конца // Поль Рикёр – философ диалога. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 134–139.

14. Рикёр П. Я-сам как Другой: пер. с франц. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 416 с.
15. Сандакова Л.Б. Нейроэтика: вопросы духовной безопасности в использовании результатов развития нейронауки // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, г. Грозный, 1–3 декабря 2017 г. – Махачкала: ЧГПУ: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – С. 472–476.
16. Сидорова Т.А. Трансинтервальность нормы в биоэтике // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. – М.: Навигатор, 2015. – С. 346–362.
17. Трошин В.А., Ковалева Т.С. Кодекс нейроэтики // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2001. – № 10. – С. 65–68.
18. Юдин Б.Г. Персонализированная медицина как технонаука // Философские проблемы биологии и медицины: сб. статей. – М.: Навигатор, 2015. – Вып. 9: Стандартизация и персонализация. – С. 28–32.
19. Юдин Б.Г. «Улучшение» человека: биоэтическая рефлексия за пределами биомедицины // Философские проблемы биологии и медицины: материалы 10-й научно-практической конференции, Москва, 26–27 октября 2016 г. – Саратов: СГТУ, 2016. – Вып. 10: Многообразие биомедицинского опыта и знания. – С. 23–25.
20. Ackerman S. Hard science, hard choices: facts, ethics, and policies guiding brain science today. – New York: Dana Press, 2006. – 152 p. – (The Dana Foundation Series on Neuroethics). – ISBN: 1-932594-02-7.
21. Farah M.J. Neuroethics: the practical and the philosophical // Trends in Cognitive Sciences. – Vol. 9, N 1. – 2005. – P. 34–40. – doi: 10.1016/j.tics.2004.12.001.
22. Farah M.J. Neuroethics: an introduction with readings. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2010. – 400 p.
23. Gazzaniga M.S. The ethical brain. – Chicago: Chicago University Press, 2005. – 226 p.
24. Gazzaniga M.S. Facts, fictions and the future of neuroethics [Electronic resource]. – URL: [http://www.cogsci.ucsd.edu/~rik/courses/cogs200-w05/readings/GazzNeuroethics\]I-1.pdf](http://www.cogsci.ucsd.edu/~rik/courses/cogs200-w05/readings/GazzNeuroethics]I-1.pdf). (accessed: 01.03.2018).
25. Hess E., Jokeit H. Neurocapitalism [Electronic resource] // Eurozine. – 2010. – Vol. 3. – P. 1–11. – URL: <https://www.eurozine.com/neurocapitalism/?pdf> (accessed: 01.03.2018).
26. Neuroethics: defining the issues in theory, practice and policy / Illes J., ed. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. – 320 p. – ISBN: 0-19-856721-9.
27. Illes Ju. Interview with Judy Illes // Trends in Neurosciences. – 2012. – Vol. 35, iss. 9. – P. 521–523.
28. Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // The Behavioral and Brain Sciences. – 1985. – Vol. 8, iss. 4. – P. 529–566. – doi: 10.1017/S0140525X00044903.

29. The new brain sciences: perils and prospects / ed. by D. Rees, S. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 316 p. – ISBN: 0521537142.

30. Rose S. The future of the brain: the promise and perils of tomorrow's neuroscience. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. – 352 p.

31. Saffire W. Visions for a new field of «Neuroethics» // Neuroethics: Mapping the Field Conference Proceedings, May 13–14, 2002, San Francisco, California. – New York: The Dana Press, 2002. – P. 3–9.

32. Scholz R.W. Mutual learning as a basic principle of transdisciplinarity // Transdisciplinarity: Joint Problem Solving among Science, Technology and Society: Proceedings of the International Transdisciplinarity 2000 Conference, Zurich. – Zurich: Haffmans Sachbuch, 2001. – Workbook 2: Mutual Learning Sessions. – P. 13–17.

Статья поступила в редакцию 03.02.2018 г.

Статья прошла рецензирование 10.03.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99

NEUROETHICS: BETWEEN ETHICS AND MORALITY

Sidorova Tatyana,*Cand. of Sc. (Philosophy),**Associated Professor of Fundamental Medicine Section,**National Research Novosibirsk State University,**1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-8985-092X

t.sidorova@g.nsu.ru

Abstract

The main purpose of the article is to study the features of neuroethics as an emerging scientific discipline claiming to be not only a form of applied ethics, but also an apology for morality within the framework of a naturalistic paradigm based on new data of neurobiology and cognitive sciences. The author considers neuroethics in several aspects. On the one hand, it is presented as a kind of bioethics, applied ethics, ethics of neuroresearch and neuroscience ethics. On the other hand, its manifestations were noted as an element of the technology and the variant of the anthropological transformations maintenance, called “human improvement” in the era of biotechnology. Thus, the disciplinary aspects of neuroethics are studied in the limelight of the critical analysis of the biotechnological improvement of a man, conducted by B. G. Yudin in bioethics. The theoretical methods of inclusion and exclusion were used and the grounds for inclusion and exclusion of neuroethics into bioethics were identified. It is noted that the naturalistic paradigm, in which the disciplinary ontology of neuroethics is formed, limits the philosophical content and dehumanizes it. The author points out that it becomes one-sided because of narrowing the neuroethics subject within the framework of applied and research ethics. Neuroscience ethics is represented as rethinking of the very nature of morality on the basis of new experimental data. In this respect neuroethics is developing a new view on the new neuro-improved society. Giving an example, the author refers to the neuroethics concept of T. Metzinger who proposes using these neurosciences to create a new ontology of consciousness and considers neuroethics as a tool in creating new “ethics of consciousness”. The key concept for such neuroscience ethics is cognitive improvement, so it relies not simply on the neurological explanation of the mechanisms of behavior, but on the ability to expand the possibilities of consciousness with the help of psychoactive substances and other technological possibilities discovered by neurosciences.

Naturalistic reductionism in the understanding of morality makes a person vulnerable to his/her right of self-identification, opens the way for control over the personality. The author considers M. Gazzaniga’s alternative approach to neuroethics, who believes that it should be a part of the brain philosophy. Adhering to this position, the author concludes that neuroethics, in order to consistently develop bioethics and remain within the inclusive model, should introduce into bioethical discussions new dimensions of moral choice which arise in con-

nection with new scientific data. Studies of the brain open up even greater complexity in the moral life of man and society, especially in bioethical incidents, and affect self-knowledge and self-identification of the individual.

Keywords: ethics, morality, neuroethics, ontology of scientific discipline, neuroscience, bioethics, applied ethics, professional ethics, techno-science, human improvement.

Bibliographic description for citation:

Sidorova T. Neuroethics: between ethics and morality. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 75–99. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99.

References

1. Abakova M.Yu., Pokrovskaya N.N. Aktual'nye problemy neuroetiki v marketingovykh issledovaniyakh [Neuroethical issues in conducting marketing research]. *Konfliktologiya – Conflictology*, 2016, no. 3, pp. 232–246.
2. Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis. Essays, moral, political, and literary]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002. 656 p.
3. Golubev V.N. Neuroetika: osnovnye etapy razvitiya [Neuroethics: the main stages of development]. *Dostizheniya fundamental'noi, klinicheskoi meditsiny i farmatsii* [Achievements of Fundamental, Clinical Medicine and Pharmacy]. Vitebsk, 2017, pp. 529–530.
4. Gorbacheva A.G. *Sotsial'no-filosofskii analiz vliyaniya konvergiruyushchikh NBIKS-tekhnologii na cheloveka*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Social-philosophical analysis of the influence of converging NBICS-technologies on human. Author's abstract of PhD in philosophy diss.]. Tomsk, 2016. 26 p.
5. Gutner G.B. Transdistsiplinarnost' kak transdiskursivnost' [Transdisciplinarity as transdiscursivity]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects]. Moscow, Navigator Publ., 2015, pp. 263–280.
6. Kiyashchenko L.P. Filosofiya transdistsiplinarnosti: podkhody k opredeleniyu [The philosophy of transdisciplinarity: approaches to the definition]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects]. Moscow, Navigator Publ., 2015, pp. 109–135.
7. Labusheva T.M., Nikolaeva N.V. Svoboda voli: illyuziya ili real'nost'? [Freedom of will: illusion or reality?]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, vol. 10 (84), pt. 1, pp. 101–103.
8. Lazurenko D.M., Kiroi V.N. Sovremennye problemy neuroetiki [Neuroethics problem fields]. *Valeologiya – Valeology*, 2012, vol. 4, pp. 74–80.
9. Metzinger T. *Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego* [The Ego tunnel. The science of the mind and the myth of the Self]. Moscow, AST Publ., 2017. 651 p. (In Russian).

10. Novikova O.V. *Obosnovanie morali v sovremennoi filosofskoi kognitivistike*. Diss. kand. filos. nauk [Substantiation of morality in modern philosophical cognitive science. PhD diss. in economics]. St. Petersburg, 2017. 212 p. Available at: <https://diss.spbu.ru/files/disser2/disser/Q29d9Z6YV6.pdf> (accessed 27.02.2018).
11. Perov V.Yu. [Moral freedom and normativity: neuroethics miseries]. *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie-5: sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Human World: Normative Dimension-5: Collection of Scientific Papers on the Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, SSLA Publ., 2017, pp. 92–94.
12. Petrunya O.E. Neurofilosofiya kak issledovatel'skaya programma [Neurophilosophy as a research program]. *Neurokomp'yutery: razrabotka i primeneniye – Neurocomputers*, 2015, no. 4, pp. 65–66.
13. Riker P. Soprovozhdat' zhizn' do kontsa [Accompagner la vie jusqu'à la mort]. *Pol' Riker – filosof dialoga* [Paul Ricœur – dialogue philosopher]. Moscow, Institute of Philosophy of RAS Publ., 2008, pp. 134–139. (In Russian).
14. Riker P. *Ya-sam kak drugoi* [Soi-même comme un autre. Translation from French]. Moscow, Publishing House of Humanitarian Literature, 2008, 416 p. (In Russian).
15. Sandakova L.B. [Neuroethics: issues of spiritual security in using the results of neuroscience's development]. *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost': sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Groznyi, 1–3 dekabrya 2017 g.* [Humanitarian Knowledge and Spiritual Security: Collection of Scientific Papers on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Grozny, 1–3 December 2017]. Makhachkala, ChGPU Publ., ALEF (IP Ovchinnikov) Publ., 2017, pp. 472–476.
16. Sidorova T.A. Transinterval'nost' normy v bioetike [Transintervality of Norm in Bioethics]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkbody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects]. Moscow, Navigator Publ., 2015, pp. 346–362.
17. Troshin V.D., Kovaleva T.S. Kodeks neuroetiki [Neuroethics code]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2001, no. 10, pp. 65–68.
18. Yudin B.G. [Personalized Medicine as Science]. *Filosofskie problemy biologii i meditsiny: sbornik statei* [Philosophical Problems of Biology and Medicine: collections of articles]. Moscow, Navigator Publ., 2015, iss. 9: Standardization and Personalization, pp. 28–32.
19. Yudin B.G. [“Human improvement”: bioethical reflection outside of biomedicine]. *Filosofskie problemy biologii i meditsiny: materialy 10-i nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moskva, 26–27 oktyabrya 2016 g. [Philosophical Problems of Biology and Medicine: materials of the 10th scientific-practical conference, Moscow, 26–27 October 2016]. Saratov, SSTU Publ., 2016, iss. 10: Diversity of Biomedical Experience and Knowledge, pp. 23–25.
20. Ackerman S. *Hard science, hard choices: facts, ethics, and policies guiding brain science today*. New York, Dana Press, 2006. 152 p. *The Dana Foundation Series on Neuroethics*. ISBN: 1-932594-02-7.

21. Farah M.J. Neuroethics: the practical and the philosophical. *Trends in Cognitive Sciences*, 2005, vol. 9, no. 1, pp. 34–40. doi: 10.1016/j.tics.2004.12.001.
22. Farah M.J. *Neuroethics: an introduction with readings*. Cambridge, MA, The MIT Press, 2010. 400 p.
23. Gazzaniga M.S. *The ethical brain*. Chicago, Chicago University Press, 2005. 226 p.
24. Gazzaniga M.S. *Facts, fictions and the future of neuroethics*. Available at: <http://www.cogsci.ucsd.edu/~rik/courses/cogs200-w05/readings/GazzNeuroethicsJI-1.pdf>. (accessed 08.05.2018).
25. Hess E., Jokeit H. Neurocapitalism. *Eurozine*, 2010, no. 3, pp. 1–11. Available at: <https://www.eurozine.com/neurocapitalism/?pdf> (accessed 08.05.2018).
26. Illes J., ed. *Neuroethics: defining the issues in theory, practice and policy*. Oxford, UK, Oxford University Press, 2006. 320 p. ISBN: 0-19-8567219.
27. Illes Ju. Interview with Judy Illes. *Trends in Neurosciences*, 2012, vol. 35, iss. 9, pp. 521–523.
28. Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action. *The Behavioral and Brain Sciences*, 1985, vol. 8, iss. 4, pp. 529–566. doi: 10.1017/S0140525X00044903.
29. Rees D., Rose S. (eds.) *The new brain sciences: perils and prospects*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 316 p. ISBN: 0521537142.
30. Rose S. *The future of the brain: the promise and perils of tomorrow's neuroscience*. Oxford, UK, Oxford University Press, 2006. 352 p.
31. Safire W. Visions for a new field of “Neuroethics”. *Neuroethics: Mapping the Field Conference Proceedings*. May 13–14, 2002, San Francisco, California. New York, The Dana Press, 2002, pp. 3–9.
32. Scholz R.W. Mutual learning as a basic principle of transdisciplinarity. *Transdisciplinarity: Joint Problem Solving among Science, Technology and Society: Proceedings of the International Transdisciplinarity 2000 Conference*, Zurich, Haffmans Sachbuch, 2000, Workbook 2: *Mutual Learning Sessions*, pp. 13–17.

The article was received on 03.02.2018.

The article was reviewed on 10.03.2018.